

Луиза
ГАМАУС

Инга. Ирисы
& ИЗМЕНА

18+

Любовь, цветы и грядки

Лиза Гамаус

Инга Ирисы ИЗМЕНА

«Автор»

2026

Гамаус Л.

Инга Ирисы ИЗМЕНА / Л. Гамаус — «Автор», 2026 — (Любовь, цветы и грядки)

Инга молода, упряма и учится на урбаниста. Полгода назад она ушла от Ильи, даже не спросив, кто та журналистка. Он не догнал, не объяснил. Только одно слово: «Хорошо». Вечеринка с друзьями. Илья приходит неожиданно. Он всё так же красив, молчалив и собирается уезжать надолго. У них есть один вечер, чтобы спросить, простить или попрощаться навсегда. «Навсегда — это не срок. Это глубина». История о первой большой любви, ревности, женской гордости и мужском молчании. И о том, как иногда, чтобы обрести себя и найти заново, нужно потерять всё.

Лиза Гамаус

Инга Ирисы ИЗМЕНА

Уязвимость — это слабое место, «дыра», которая делает тебя незащищённым для атак.

Я выбираю уязвимость.

ГЛАВА 1. Обряд

До дачи тридцать километров от МКАДа.

Наконец выезжаю на загородное шоссе, делаю глоток остывшего кофе из бумажного стаканчика и нажимаю кнопки радио на руле: одна, вторая, третья, стоп!

«Разлука — это проклятие, которое можно снять, пройдя обряд воссоединения», — слышу обволакивающий баритон, но большой палец опережает голову, и я проскакиваю на другой канал.

Морщусь и возвращаюсь, а там уже музыка. Журчащая, безлика, как утренний туман. Музыка, не выражающая ничего, ни одной эмоции — правильная.

Мудрецов, раздающих советы, как грязи. Делаю ещё один глоток кофе. Допустим, этот умник из радио распознаёт чужие ошибки, потому что накопил опыт, но он сам уже не участвует в игре, для которой даёт подсказки. Это как бывший алкоголик учит пить чай. Обойдусь без чужих подсказок.

Ага, обойдусь. Три ночи в неделю не сплю, листаю его страницу в закрытом режиме — обхожусь. Кофе пью литрами, чтобы на учёбе не отключаться — обхожусь.

Вчера в универе на лекции по урбанистике профессор сказал «беспилотные системы», а у меня перед глазами его лицо. Я вышла в туалет и сидела в кабинке, пока не перестала трястись. Обхожусь, да.

Обряд воссоединения... хотя, что-то в этом меня цепляет. Опять морщусь.

Деревья по обе стороны дороги создают впечатление движения в туннеле, сознание раздваивается на внешнее и внутреннее, бессознательное показывает торчащие уши.

А там Илья. Он никуда не девается. Он там. Его и звать не надо. Сгинь!

Не сгинул. Он вообще не сгинул ни разу. Я пыталась его ненавидеть — не получается. Пыталась его жалеть — бесит. Пыталась заменить — на первом же свидании Мишей из параллельной группы. Я поймала себя на том, что проверяю, как Миша держит вилку. Илья держал вилку неправильно — и это было мило. Миша держал правильно — и меня замутило. Я сбежала.

Мы расстались перед Новым годом. Он танцевал с одной журналисткой, которую я почти не знала и не придавала значения, но вдруг увидела, как близко он прижал её к себе, и как они шептались. Было темно, но не настолько.

Залезла на её канал и нашла обоих на какой-то выставке. Она брала интервью у перспективного и успешного руководителя компании «Полёт» Ильи Чагина. Его БПЛА и их маршруты признаны лучшими в городе для сервисов доставки. Интервью на целых сорок минут. Смотреть невозможно. Они искрили.

Его было много в её аккаунте. Однозначно много. Я тогда была полной доверчивой дурой. Факт.

Дурой — это мягко. Не сказала ему ни слова. Просто собрала вещи, пока он спал, и ушла. Даже записки не оставила.

Он звонил тридцать четыре раза за первый день. Я сбросила тридцать три. Два раза не сбросила — слушала его дыхание и молчала. Потом он перестал звонить. Через неделю я написала: «Всё кончено, не ищи меня». Он ответил: «Хорошо».

Одно слово. Я ждала, что он спросит «почему», «давай поговорим», «я люблю тебя» — но нет. «Хорошо». Как будто я сдала экзамен на троечку, а он принял результат. Это слово я перечитывала раз сто. Ночью. Ревела.

Сейчас июнь. Полгода не срок. Выкинуть его из головы не получается никак.

Даже уже не пытаюсь.

За полгода я стала экспертом по маскировке. Улыбаться на парах — научилась. Шутить с подружками — научилась. Говорить «мне никто не нужен» с лёгкой улыбкой — научилась.

Но ночью я включаю его голосовые сообщения, которые сохранила в тайном плейлисте. Там их пять. Он говорит: «Инга, ты спишь?», «Инга, я купил тебе клубники», «Инга, ты сегодня красивая». Я знаю их наизусть. Могу проиграть в голове в любую секунду. И проигрываю.

В марте я удалила три из них, потом восстановила через техподдержку. Техподдержка теперь в курсе, что я психопатка.

Дорогу на дачу знаю наизусть, каждый бугорок, но всё равно восприятие времени меняется, когда я в движении: 50 метров асфальта перед капотом — это настоящее, а прошлое и будущее сплющиваются. В настоящем на скорости 90 км рождается всего лишь один экзистенциальный вопрос...

«Что я сделала не так?» — каждый день. И ответа нет.

Психотерапевт сказала: «Ты не сделала ничего не так, ты просто боишься быть покинутой». Окей, боюсь. И что? Я всё равно покинута.

Я сама себя покинула первой. Ушла, чтобы меня не бросили. Гениально, Инга, ты просто гений саморазрушения. Илья даже не знает, из-за чего мы расстались. Он думает, что я просто передумала.

А я думала, он предал. Но предал ли? Я так и не спросила. Трусиха.

«Умейте принять потерю навсегда», — говорит всё тот же баритон, перед сменой музыки. — Что? — кричу я. — Что ты, тварь, сказал?

Он меня не слышит. Это всего лишь записанный когда-то голос диктора. О чём с ним говорить?

«Но помните, — продолжает голос, который я уже ненавижу. — «Навсегда» — это не срок. Это глубина. Тот, кто ушёл в эту глубину, либо утонул, либо научил вас дышать под водой», — говорит и запускает саундтрек из старого американского фильма времён молодости моей бабушки. Намёк на вечность.

Дышать под водой. Я пыталась. Я ходила на свидания — задыхалась. Пыталась работать над дипломом по цифровому архивированию — задыхалась. Смотрела сериалы — задыхалась. Потому что всё, что я делаю, я делаю с мыслью: «Вот это я расскажу ему».

А его нет. И не будет. И я не утонула, но и дышать — это не про меня. Это про то, чтобы делать вдох и не выть.

Предки укатили на море. Я еду на маминной машине полить цветы на её клумбах. Я хорошо вожу, с шестнадцати лет почти, мама мне доверяет. Кошку взяла соседка.

Мама обожает ирисы. Каких там только нет! Высокие, карликовые, бородастые, безбородые, жёлтые, синие, розовые, фиолетовые.

Может, задержусь на несколько дней на природе. Остался последний экзамен, и диплом в кармане.

Вечер, закат, грусть.

Одна на даче. Никто не спросит, почему я не сплю. Никто не увидит, как я достаю из сумки его старую футболку — да, я украла её, когда уходила. Она ничем уже не пахнет, но я всё равно нюхаю.

Идиотизм. Но это единственное, что осталось. Кроме голосовых сообщений и скриншотов переписок, которые я перенесла в папку с паролем «ILU1». Очень остроумно, Инга. Илья Люблю — пароль.

Илья закончил универ три года назад. Я была на первом курсе, когда мы познакомились.

Он пришёл читать лекцию по беспилотным системам на наш поток. Стоял у доски, такой уверенный, с лёгкой щетиной. Я сидела на третьем ряду и думала: «Боже, какой же зануда».

А потом он посмотрел на меня. Прямо в глаза. И улыбнулся. И я поняла, что пропала. После лекции я подошла «задать вопрос» — про траектории, хотя мне было плевать.

Он отвечал полчаса, а я смотрела на его красивые мужские руки. С длинными пальцами. Потом мы пошли пить кофе. Потом гуляли до ночи. Потом он провожал меня до дома, и у выхода я поцеловала его первая. Он отстранился, посмотрел на меня и сказал: «Ты опасная». А я засмеялась. Где теперь мой смех?

Нет! Мне никто не нужен. Так, только для того, чтобы было с кем пойти на вечеринку или погулять по городу. Без заморочек. Я сильная и независимая. Мне не нужны привязки и страдания. Хватит!

Сильная и независимая. Повторяю как мантру. Сильная и независимая не плачет в машине под бабушкины саундтреки. Сильная и независимая не хранит футболки. Сильная и независимая не знает, сколько раз звонил бывший.

А я знаю. Я знаю, что после моего «всё кончено» он звонил ещё дважды. Первый раз через месяц. Я сбросила. Второй — через два. Я снова сбросила. И он больше не звонил. Это я добилась своей цели. Он меня забыл. Почему же мне так паршиво?

Потому что цветущее лето? Кто вообще придумал эти цветы? Мало того, что они красивые и цветные, они ещё и пахнут... сирень, пионы, розы, ирисы...

Что сказал мне психотерапевт? Правильно. Не стоит ни в ком растворяться, научись выстраивать границы, Инга! Ничего не бойся! Ты бесстрашная.

Бесстрашная. Я боюсь открыть дверь в дом, потому что там тихо. Я боюсь заснуть, потому что мне снится, как он идёт по туннелю и не оборачивается. Я боюсь, что если увижу его сейчас, то или упаду в обморок, или ударю его. И то и другое — позор. Лучше уж ничего не чувствовать.

По щеке скатывается слеза. Потом ещё одна. Это всё из-за этой старперской музыки.

Вру. Это всё из-за того, что я люблю его. До сих пор. Через полгода. Через ненависть и попытки забыть. Через психотерапевта и тридцать четыре пропущенных. Через футболку, которая уже не пахнет. Я люблю его. И я понятия не имею, что с этим делать.

Выключаю радио.

Заезжаю на территорию посёлка, торможу у ворот родительского дома, нажимаю на пульт, ворота открываются, ставлю машину и иду в дом.

Дом пустой. Пахнет уютом и мамиными ирисами через открытую форточку. Я ставлю сумку в прихожей, прохожу на кухню, открываю холодильник — там только масло и горчица.

Достаю телефон. Пальцы сами набирают его имя в поиске. Последний пост три недели назад: фото дрона на закате. Подпись: «Маршруты строятся, небо ждёт». И ни одного намёка на другую девушку. Ни одной журналистки.

Я сую телефон в карман. Иду в комнату, падаю на диван лицом в подушку и реву. В голос. Как не ревела полгода. Потому что некому меня утешить. Потому что сама виновата. Потому что навсегда — это не срок, а глубина, и я в этой глубине уже по горло.

— Илья, — шепчу я в подушку. — Идиот. Ты даже не знаешь, что я тут тону.

Подушка молчит. Дом молчит.

— Обряд воссоединения, — говорю я вслух, вытирая нос рукавом. — Слышь, баритон! Сказал бы, где этот обряд проводят. Я бы записалась.

ГЛАВА 2. Птички

Утреннее пение птиц – это нечто. Лежу и слушаю. Даже рот разезжается в улыбке. Милашки. Говорят, птицы – это другая цивилизация. Древняя. Потомки динозавров, как никак.

Жалко, Дашка, моя верная подружка, не смогла со мной поехать. У её бабушки день рождения или, может, у деда, не помню. Сейчас бы вместе сидели в цветущем саду и пили кофе со сливками.

Доставку с продуктами уже привезли, не на дроне, правда. Это я так, прыскаю ядом в никуда. От слова «дрон» меня всегда колбасит. Потому что дроны – это Илья. А Илья – это боль. Такая вот ассоциативная цепочка, достойная первокурсницы-психолога, но я-то без пяти минут готовый урбанист, так что простите.

Дашка всё про меня знает. А я про неё. У неё никогда не было таких душераздирающих воплей, как у меня, хотя они с Гришей то ссорятся, то мирятся. Справляются, короче, без особого экстрима. А у меня экстрим.

Звонок. Дашка. Легка на помине.

— Ты как? – начинает она издали. Знаю этот тон. Сейчас будет что-то, после чего мне захочется её придушить, а потом обнять.

— А что? – не ведусь. Симулирую равнодушие.

— Мы тут подумали... – юлит Дашка. – А давай устроим шашлычки, песенки попоём, танцульки. Чё даче пропадать в такую погоду? Вся жратву купим сами, – говорит и замолкает. Ждёт. Закусила губу.

— Какие танцульки? С кем? – уточняю я, хотя сердце уже ёкнуло. Оно у меня вообще последнее время ёкает по любому поводу.

— Да мы, это... хотели с собой... ну, Виталика взять, Мишку, Жанка вот тоже хочет...

— Сколько вас там?

— Ну, человек шесть-семь, все наши. Да мы в дом-то не пойдём, мы в беседке посидим, в туалет только, если что, – продолжает подруга.

Я молчу. В голове щёлкает: «все наши» — это значит, что она позвала и... нет, не может быть. Откуда он возьмётся? Он даже не знает, где моя дача. Или знает? Я ему показывала фотографии прошлым летом.

Мы сидели в какой-то кафешке, разговаривали про моих родителей, у меня папа строит мосты, инженер-конструктор, и я листала галерею. Он тогда сказал: «Красиво, хочу с тобой приехать». Не приехал. Не успели.

— Инга, ты слушаешь? – Дашка вырывает меня из картинки. Глаза опять на мокром месте. Я тру их рукой – не хватало ещё разреветься перед завтраком.

— Слушаю. Не хочу я никаких шашлыков. Я цветы приехала поливать, а не вечеринки устраивать.

— Да ладно тебе, – голос у неё становится вкрадчивым, почти мурлыкающим. – Ты же одна с ума сойдёшь. Затоскуешь. Мы тихонько. Мангал, угольки, мясо пожарим, выпьем по чуть-чуть. Никто твои ирисы не вытопчет.

— Кто именно приедет? – перебиваю я. Голос звучит ровно, а сердце уже колотится.

Дашка вздыхает. Я её знаю. Она что-то задумала. И это «что-то» имеет рост 185, карие глаза и специализацию по беспилотным системам.

— Ну... я, Гриша, Миша, Виталик, Жанка с Артёмом... и ещё один человек, – выдыхает она скороговоркой, как будто если быстро, то я не замечу.

— Кто? – жму я.

— Не бей, ладно? – просит она. – Илья. Он написал мне вчера, спросил, как ты. А я сказала, что ты на даче одна, и что мы собираемся. Он молчал, а потом говорит: «Можно с вами?» Я растерялась, но подумала... Инга, вам надо поговорить. Полгода прошло. Вы оба маетесь.

Ага, конечно. Позвонил ей точно тогда, когда я на даче одна. Совпадение какое!

— Ты... – у меня перехватывает дыхание. – Ты пригласила моего бывшего на мою дачу? Без моего разрешения?

— Он не бывший, он Илья, – тихо говорит Дашка. – И ты его не забыла. И он тебя. Я знаю.

Закрываю глаза. В ушах шумит. Птицы за окном вдруг становятся противными, громкими, наглыми. Предатели. Только что были милашками, а теперь – стая озлобленных птеродактилей.

— Когда вы приедете?

— Сегодня, к вечеру. Часам к пяти. Мы всё привезём. Ты только калитку открой.

— Я подумую, – говорю я и сбрасываю звонок.

Думать не о чем. Я в панике. Я бегаю по дому, хватаю вещи, переставляю их с места на место. Смотрю в зеркало – лицо бледное, кожа сухая, под глазами круги, голова взъерошенная.

Вчера я ревела в подушку, сегодня буду делать вид, что мне всё равно? Перед ним? Перед Ильёй, который умеет читать меня, как открытую книгу? Причём книга эта написана на языке, которого я сама не знаю.

Пытаюсь перезвонить Дашке, сказать «нет, отмените всё», но палец зависает над кнопкой. И внутри, в самом низу живота, разливается странное тепло.

Я не хочу, чтобы он приезжал, и хочу одновременно. Это тошнотворное чувство знакомо: оно было, когда я шла на первый экзамен, когда прыгала с вышки в бассейне, когда впервые сказала ему «люблю».

Я не звоню.

Что надеть? Сначала джинсы и футболка – слишком просто и тускло. Он не любит джинсы и обычные футболки. То есть любит, но на мне – нет. Или я это придумала? Платьев на даче нет. Если б знать, что у меня будут такие гости. Я открываю мамин шкаф – там висит что-то бежевое, мешковатое, с большими пуговицами. Нет. Смотрю дальше. В итоге выбираю светлые льняные шорты и тонкий мамин хлопковый свитер оверсайз. Совсем новый. Только бы пятно нигде не поставить, проблем не оберёшься потом.

Волосы распускаю – он любит, когда они рассыпаются по плечам. Потом собираю в хвост – не надо ему угождать. Потом снова распускаю. Потом делаю пучок. Потом снимаю пучок.

Голова не работает. Гормон гуляет, где вздумается, свободно и беспрепятственно. Я бы на его месте взяла и вышла из этого организма нафиг, но ему, чувствую, весело.

За час до их приезда выхожу в сад. Поливаю ирисы, хотя мама просила только завтра, подметаю беседку, переставляю стулья три раза. Всё, чтобы занять руки. Чтобы не стоять у окна и не всматриваться в дорогу.

Птицы теперь молчат. Ветра нет. Тишина такая, что слышно, как внутри меня что-то скрежещет. Мысли попеременно с нервами.

Первыми приезжают Дашка и Гриша. Дашка рыжая, с длинными прямыми, как солома, волосами, зелёными глазами и маленьким носиком. Красотка. Немного полновата, но не всем же нравятся такие худые карандаши, как я. Выпрыгивает из машины, обнимает, шепчет на ухо. От неё пахнет корицей и чем-то сладким.

— Ты только не нервничай. Он не знал, что я тебя не спросила. Думает, ты в курсе.

— Дашка, ты дура, – говорю я спокойно. – Но уже поздно. Меня не спросила, ему наврала. Откуда у тебя столько смелости, только? Я с тобой потом поговорю.

Она подмигивает. Не боится. У неё иммунитет к моей злости. Виновато улыбается – так я и поверила – и убегает помогать остальным. Я знаю, она всё организует – мангал, мясо, посуду, музыку, питьё. Мне не надо будет об этом думать.

Она хочет мне помочь, искренне и по-настоящему. И не потому, что я ей сто раз помогала, выручала с деньгами, а папа устроил её маму к очень хорошему кардиологу, и она практически выздоровела.

Это всё так, но она и без этого бы мне помогала – тот самый случай, когда женская дружба знает, где кончается её поле деятельности, и где те самые буйки, за которые заплывать нельзя. Дашка умеет нырять, и не тонет. В отличие от меня.

Подъезжают Виталик с Мишей, тащат пакеты с мясом, углём, пиво. Гриша в шортах-карго и панаме – выглядит как турист, заблудившийся в Подмосковье. Миша в неизменной чёрной толстовке, даже в такую жару. Жанка с Артёмом приносят гитару. Жанка сегодня в сарафане с подсолнухами. Платица и сарафаны – это её фишка. Она наша с Дашкой однокурсница. Артём тащит колонку. Я здороваюсь со всеми, улыбаюсь. Внутри я – натянутая струна.

И тут я вижу его.

ГЛАВА 3. Спросить можно?

Серебристая машина. Я узнаю её сразу. Илья открывает дверцу и выходит из-за руля. Он в светлых джинсах и белой рубашке на выпуск с закатанными рукавами – элегантный, как всегда, несмотря на простоту. Волосы чуть длиннее, чем полгода назад. И ещё – он похудел. Или мне кажется. Смотрю на него через прутья забора.

Он закрывает дверь, открывает калитку, заходит, обводит взглядом двор. И находит меня.

Сто метров. Сорок. Двадцать. Он идёт медленно, а я стою как вкопанная. Мои ноги откажутся двигаться. Руки тоже. Я вообще, кажется, забыла, как работает тело. Где-то в районе затылка включилась паника: «Беги! Прячься! Скажи, что у тебя аллергия на бывших!» Но я стою.

Он останавливается в трёх шагах. Я чувствую его запах — тот самый, с примесью дыма и одеколona, который я пыталась найти в магазине, но забыла название. Или не забыла, а вычеркнула специально.

— Привет, Инга, — говорит. Голос ровный, но я слышу в нём хрипотцу. Или мне хочется, чтобы там была хрипотца.

— Привет, — выдавливаю я. Получается сипло, как будто я только что выкурила пачку, а я вообще не курю.

— Даша сказала, ты не против, — добавляет он медленно и смотрит мне в глаза.

Вот тут надо сказать: «Уезжай, я не Даша». Или: «Нет, оставайся, давай поговорим».

Но рот молчит. Я смотрю на его скулы, на то, как рубашка облегает плечи, на знакомые руки с длинными пальцами. Помню, как эти пальцы однажды заправляли прядь мне за ухо. И как я тогда подумала: «Вот оно, счастье». Наивная.

Пауза затягивается. Птицы тоже ждут, что я скажу. А я ничего не говорю. Просто смотрю. И он смотрит. В его глазах что-то тёплое и осторожное, как будто он подошёл к дикому зверьку и боится спугнуть.

«Где же ты был полгода, можно поинтересоваться?» - кричит подсознание вместе с сознанием и со всеми моими я.

— Оставайся, но между нами есть тёмная комната, — вылетает у меня. Нашла наконец, что сказать.

— Я давно готов зажечь там свет, — он почти смеётся.

— Тебе что-то мешало сделать это, скажем, пару месяцев назад?

Чувствую, если продолжу разговор, до добра это точно не доведёт. Надо успокоиться.

Илья открывает рот, чтобы ответить, но я не даю ему говорить:

— Прости, это не так уж важно. Проходи в беседку. Я не готова. Не будем ничего ворошить. Просто вечер с друзьями.

Тут откуда ни возьмись появляется Дашка. Следила, что ли.

— Илья Петрович, ты не сможешь ребятам с мангалом, а то Мишка руку обжёт.

Илья старше всех, и мы часто называли его по имени отчеству, а ему нравилось.

— Как обжёт? – вскрикиваю я, — у меня же есть аптечка, пантенол и всё такое.

— Да я за этим и пришла, — заливает Дашка.

Сто пудов Мишка никакую руку не обжёт, но Илья уже идёт в сад к беседке, бросив на меня пронзительный взгляд, который стреляет прямо в сердце. Ясное дело.

Я выдыхаю. Кажется, я не дышала всё это время. Лёгкие горят. Чувствую, как колени хотят согнуться.

— Дыши, — шепчет Дашка мне на ухо. — А то посинеешь.

— Я дышу, — шепчу в ответ.

Со стороны, наверное, я вызываю жалость. Хорошо, что кроме Дашки никто не видит. Надеюсь.

Соберись, Инга!

Мы сидим в беседке. Она невероятно удобная: плетёные кресла и диванчик с мягкими подушками, несколько низких столиков, антимоскитные лампы, кулер с водой, два выхода. Папа строил, а мама занималась остальным.

Кто-то жарит шашлык, кто-то играет на гитаре, кто-то пьёт пиво. Разговоры цепляются один за другой. Мы все знаем друг друга несколько лет, и нам всегда есть, о чём поговорить. Я сижу на диване, рядом Дашка, она что-то шепчет про свою работу, но я не слышу.

Илья расположился напротив, у мангала. Переворачивает шампуры, подкладывает дрова, шутит с Жанкой, делает вид, что занят. Я делаю вид, что смотрю на закат.

Закат розовый, красивый, как открытка. Где-то лают собаки – сначала одна, потом другая, потом третья. С разных концов посёлка. У них вечерний «созвон» – как прошёл день.

Дашка продолжает триндеть, не давая мне уйти в себя. Сводница.

Краем глаза вижу, как он отходит от мангала и садится внутрь, на скамейку, поднимает голову и смотрит на меня. Не отрываясь. Секунда, две, пять. Я не отвожу взгляд. Внутри — пустота и звон одновременно, как будто кто-то ударил в колокол. Он первый отворачивается. И я выдыхаю. Снова.

Зная его характер, он долго играть в переглядки не будет и перейдёт к тому, за чем приехал. Вот только за чем? Мириться?

В какой-то момент Дашка, Жанка и Гриша уходят в дом за добавкой. Артём с Мишей и Виталиком курят в стороне — у них какой-то свой разговор про крипу. У Мишки и правда перевязана рука женским носовым платком, но, думаю, что это бутафория.

В беседке остаёмся только мы — я и он. Метра три между нами. И тишина.

Он поворачивается ко мне. Ближе, чем был. Я чувствую запах дыма и его знакомого одеколona.

— Ты хорошо выглядишь, — говорит он. Банально, плоско, но мне достаточно, мне другого не надо.

— Спасибо, — отвечаю я. — Ты тоже. — Я несу чушь, мне несвойственную. Инга, ты учишься на урбаниста, у тебя диплом, ты умеешь говорить. Нет, не умею.

И замолкаем. Слова застревают. Я хочу спросить: «Кто была та журналистка? Ты спал с ней? Почему ты не искал меня? Почему ты здесь? Ты скучал? Ты меня ещё любишь?» Но вместо этого я смотрю на свои руки, на облупившийся лак на указательном пальце.

- Я уезжаю, - вдруг говорит он, - хотел тебя увидеть перед отъездом. Думаю, уеду надолго.

- А спросить можно? – шурюсь я.

- Нужно.

- Ты проститься приехал? – я не спрашиваю, куда он собрался. В голове каких только мыслей нет в наше непростое время.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать. Я вижу, как он набирает воздух. И в этот момент возвращается Дашка с оравой. Беседка снова наполняется шумом, смехом, звоном посуды. Кто-то уронил вилку. Кто-то запел. Илья замолкает. Отворачивается. И больше не смотрит на меня до самого вечера.

Я сижу и думаю: «Как мне понимать то, что он только что сказал?».

Всё как в тумане, то есть что-то происходит, но меня не касается, я не участвую в разговорах, я не пою, не танцую. Он тоже не танцует.

Гости начинают разъезжаться. Дашка обнимает меня на прощание, шепчет:

— Ну как?

— Никак, — отвечаю я.

— Завтра поговорите, — уверенно заявляет она. У неё всегда всё просто. «Завтра поговорите», «всё наладится», «ты у меня красавица». Хорошо быть Дарьей.

Она садится в машину, машет мне рукой. Один за другим уезжают Гриша, Миша, Жанка, Артём, Виталик. Остаётся только Илья. Он стоит у своей машины, не садится. Смотрит на дом. На меня.

— Инга, — говорит он.

ГЛАВА 4. Мячик

— Инга, — говорит он.

— Что? — получается резче, чем хотела. Голос садится, будто я накричалась, хотя я почти молчала весь вечер.

— Возможно, мы будем сожалеть, что не смогли понять друг друга.

Он произносит это так спокойно, так рассудительно, как будто мы на совещании. Как будто речь идёт о сроках сдачи проекта, а не о нас. Меня накрывает волной всемирного потопа. Той самой, которую я сдерживала полгода.

— Ты что, не помнишь, почему я ушла?

Вместо того, чтобы сказать что-то человеческое, он вдруг выдыхает и начинает:

— Я звонил тебе. Тридцать, сорок раз, уже не помню. Ты сбрасывала или молчала. Потом написала: «Всё кончено. Не ищи меня» Я вделал ещё попытку через месяц. Ты помнишь это? Ты не дала мне ничего объяснить.

— А что ты собирался объяснять? — я чувствую, как начинает гореть лицо. — Что ты пропал на полгода? Что я должна сидеть и ждать, пока ты соизволишь вспомнить, что у тебя есть девушка? — я не собираюсь оправдываться. Он виноват. Он пропал. Хотел бы — нашёл из-под земли. Вот сегодня же нашёл.

Он молчит. Смотрит в сторону. Это бесит ещё больше.

— Я думал о тебе. Всё это время. У меня никого нет.

— А она? Растворилась? Я её придумала? Ваши фото в сетях сама запостила? Интервью на крыше, о котором ты мне ничего не рассказал.

Молчание. Губы сжаты.

— Я полгода прокручивала эти фотографии в голове. Я полгода не спала, не ела, ходила в универ с температурой, лишь бы не думать и не оставаться дома. И теперь ты приезжаешь, сваливаешься из пространства и говоришь, что уезжаешь. Приехал проститься. А я должна просто взять и понять? Почему я должна всё прощать и забывать, Илья?

— Я не прошу прощать, — тихо говорит он. — Я прошу услышать.

— Я слушаю. — Развожу руками. — Говори.

Смотрит куда угодно, только не на меня. Мужики не любят, когда их припирают к стенке, особенно такие, как он. И я понимаю: он не скажет. Ни про журналистку, ни про отъезд, ни про то, почему не искал. Он умеет молчать так, что это громче любых слов.

— Я устала, — говорю я. — Правда. Если ты приехал только для того, чтобы сказать «мы будем сожалеть» — скажи. Я запомню. И поеду дальше.

— Зачем ты так? — Он делает шаг ко мне. Чувствую его запах, от которого кружится голова. — Ты думаешь, мне легко?

— А мне? — я не отступаю. — Мне легко, по-твоему? Я хотела спросить: ты скучал? Ты меня ещё любишь? Но ты не идёшь мне навстречу. Ты говоришь загадками. Ты уезжаешь, не сказав куда. Надолго. А я что? Должна гадать? Ждать? Снова?

Он открывает рот. Закрывает. И вдруг, не глядя на меня, говорит:

— Я не могу тебе сказать, куда. Контракт. Арктика. По работе.

Ох, какой важный гусь! Арктика у него! Ледоколы и белые медведи. Как романтично! Я-то тут где?

Так дела не делаются, Илья. Наверное, он ждал, что я брошусь ему на шею. А я считаю, что он играет со мной в мячик. В этот раз он слишком далеко его закинул, за забор.

Разворачиваюсь и иду к дому. Пять шагов, десять. Сердце колотится так, что закладывает уши. Он не окликает. Не догоняет.

У самой двери я всё же оборачиваюсь.

Он стоит у машины, одной рукой опираясь на капот, другой зажигая сигарету. Смотрит на меня. Издали не разобрать — грусть или злость. Наверное, и то и другое.

Я захожу в дом. Слышу, как за спиной хлопает дверца. Заводится мотор. И тишина.

Стою в прихожей, пока не заканчиваются звуки его отъезда. Потом медленно разубаиваюсь, иду на кухню, наливаю воды. Стакан дрожит в руках. Я не плачу. Просто не могу.

В спальне темно. Падаю на кровать, не раздеваясь. Смотрю в потолок. Прокручиваю каждое его слово. «Я думал о тебе. У меня никого нет». И молчание про журналистку. И «не могу сказать, куда».

— Козёл, — шепчу я в пустоту. — Идиотский козёл.

Закрываю глаза. И вот тут — слёзы. Не истерика, нет. Просто текут по вискам в уши, и я не вытираю. Пусть.

Мы так ни о чём и не договорились. Он уехал. Я не знаю куда. На день, на месяц, на год — разницы нет.

Искал повод, чтобы меня найти? А без повода, слабо?

И как это так могло случиться, что в самый нужный момент, перед его отъездом, он узнаёт, что я на даче одна без родителей? И тут же приезжает.

Дашка.

Она что, поддерживает с ним связь? Конечно, поддерживает, потому что Гришка и не думал с ним ссориться из-за того, что мы расстались. И шашлыки они придумали ради нас, чтобы мы поговорили.

А мы не оправдали ожиданий. Оправдаешь тут, когда в один момент я еле сдерживалась, чтобы не расцарапать ему его смазливую рожу.

Я медленно засыпаю, укрытая этой дурацкой загородной тишиной, и под конец, уже на грани сна, решаю: больше ни звонка, ни сообщения. Если ему нужно — найдёт. Если нет — значит, не судьба.

Утром встаю, как ни в чём не бывало, делаю зарядку, завтракаю, никуда не спеша, слушаю птичек, потом открываю комп и готовлюсь к последнему экзамену.

У меня есть несколько предложений по работе, помимо Института Генплана Москвы и департамента градостроительства. Одна девелоперская компания давно ищет урбанистов в штат. У меня от них целых два письма с приглашением на собеседование.

Они разрабатывают социально ориентированные жилищные комплексы, и работы там для меня завалились. Буду строить карьеру и не думать больше о всяких супер мастерах БПЛА систем с большими амбициями и гордыней.

Да, надо просто выбрать самую удобную философию, которой следует большинство, под названием «поверхностные связи», тот самый тупой и подлый «орбитинг», когда ты, вроде, рядом, но тебя мало что волнует в жизни «партнёра». Изменит, пошлю в одно место и найду другого, ничем не лучше и не хуже. А то одни страдания от этой любви. И больно не будет.

Сижу, вся такая уверенная, с прямой спиной, сосредоточенная на материале, который читаю, подчёркиваю, выделяю жирным. Занимаюсь, одним словом.

Звонок. Дашка.

ГЛАВА 5. Приглашение

Звонок. Дашка.

Смотрю на экран телефона и думаю: ответить или не ответить. Вчерашний вечер ещё ноет под ложечкой. И её «завтра поговорите» тоже. Но она моя подруга. Она не виновата, что я не умею разговаривать, а Илья не умеет слушать.

— Привет, — говорю я.

— Привет! — голос у неё бодрый, но натянутый, как струна. Она явно не совсем в своей тарелке. — Ну как ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.